

ИСТОРИЯ РУССКО-ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Г.Д. Данильченко

Рассматриваются вопросы истории русско-восточных литературных отношений в пушкинскую эпоху, отношение к этой проблеме А.С. Пушкина.

Ключевые слова: российское востоковедение; романтизм; пушкинская эпоха; буруты.

Российское востоковедение XIX в. владело значительным материалом сведений о Востоке в трудах военных исследователей, путешественников, филологов, историков и др. ученых, проявлявших большой интерес к этой части земли, исторически связанной с Россией дипломатическими, династическими, культурными отношениями. Каждая историческая эпоха определяла свои приоритеты в отношениях с другими народами, соотносясь с интересами, проявляемыми с обеих сторон.

Пушкинская эпоха отличалась огромным интересом к культуре других стран и народов. В это время значительно расширились границы Российской империи, что вызвало интерес к народам, которые влились в единое культурное пространство. Один из теоретиков русского романтизма О. Сомов писал в трактате “О романтической поэзии”: “Но сколько слилось народов в России, не отделяясь ни пространством земель чужих, ни морями далекими. Что же, если мы окинем взором края России, обитаемые... остатками некогда грозных России татар, многообразными племенами Сибири и островов, кочующими племенами монгольцев, буйными жителями Кавказа, северными лапландцами и самоедами... кроме сего, сколько в России племен, верующих в Магомеда и служащих в области воображе-

ния узлом, связующим нас с Востоком... Ни одна страна в свете не была столь богата разнообразными поверьями, преданиями и мифологиями, как Россия. Поэт может с роскошью выбрать в ней то, что ему нравится, и отметить, что не нравится” [1, с. 556].

Интерес к народам, населяющим Великую Степь, отличает не только военных, антропологов, путешественников и географов, но и художников, литераторов и представителей других видов искусства. Известный исследователь философии культуры А.А. Брудный писал: “Как заметил академик В.М. Плоских, современного человека поражает “странничество русское” в страны Востока, особенно в Великую Степь. Многовековая духовная традиция Востока проникла глубоко в народный дух России и заставляла его всегда не только размышлять, но и действовать и двигаться. Движение подвижников и сложило, по сути, саму науку – востоковедение” [2, с. 96].

Интерес Пушкина и его эпохи к теме Востока – достаточно глубоко исследован в трудах известных ученых историков и литературоведов: М.П. Алексеева, Д.И. Белкина, Г.К. Блока, И.С. Брагинского, Н.В. Измайлова, Н.М. Лобиковой, Ю.Г. Оксмана, М.И. Фетисова, Е.П. Чельшева, Л.А. Шеймана и др. Но и здесь до сих пор не все выяснено, по-

этому в данном исследовании делается попытка рассмотреть представленность восточной темы в журналистике пушкинской поры.

Русская литература пушкинской эпохи отличалась отзывчивостью ко всему, что происходило в мире. Первая половина XIX в. прошла под знаком огромного интереса к культурам восточных стран, особенно широко пропагандировали этот интерес русские журналы, которые живо реагировали на все события, связанные с Востоком, и не только потому, что это была своего рода мода в западноевропейском обществе, но и потому, что восточные страны составляли большую часть Российской империи. Один из самых читаемых русских журналов начала века “Вестник Европы” был особенно активным популяризатором восточной культуры в русском читающем обществе. Широкий диапазон интереса “Вестника Европы” к Востоку включал научные статьи, изящную словесность, “смесь”, а также многочисленные переводы памятников восточной культуры.

В библиотеке Пушкина журнал “Вестник Европы” занимал одно из почетных мест. Свое первое печатное стихотворение Пушкин увидел именно в этом журнале.

Еще в лицейские годы Пушкин познакомился со стихотворением К. Батюшкова “Источник”, обозначенном как персидская идиллия (1810); поэмой “Меджнун и Лейла”, переведенной с персидского русским ориенталистом А. Болдыревым (1811); научными статьями “Нечто о поэзии евреев”, “О литературе арабов”, “Омар Бен Ал-каттаб, второй калиф мусульманов” и др. Это знакомство с памятниками восточной культуры не могло не оказать влияния на Пушкина. Особое впечатление на Пушкина и его современников произвела статья Симона де Сисмонди “О литературе арабов”, в которой известный европейский ориенталист рассуждает о достоинствах арабской поэзии до ислама, рассматривая “семь звезд арабской поэзии”: Муаллаки Тарафа, Амриалкаиса, Лебида, Зогаира и др. Он также рассуждает о влиянии ислама на дальнейшее развитие арабской литературы. Особую страницу в исследовании Симона де Сисмонди занимает судьба известного в Аравии правителя Ал-Мамуна, благодаря которому Арабский Восток узнал о великой культуре Запада. Позже, в 30-х гг. XIX в., Гоголь напишет замечательную историческую характеристику этого правления в повести “Ал-Мамун” [3, с. 125–128].

О важности трудов Сисмонди Пушкин упоминает позже в своей статье “О народном воспитании” [4, с. 34], подчеркивая, что занятия по системе Сисмонди будут полезны для детей старшего возраста.

Особый интерес русских журналов к Востоку возникает в 20-х гг. XIX в. К этому времени

в России были уже собственные ориенталисты: А. Болдырев, Н. Коноплев, О. Сенковский, отец Иакинф (Н. Бичурин) и др. Они знакомили читателей с переводами оригинальных произведений арабской, персидской, турецкой поэзии, а также с государственным устройством и культурой Китая и Тибета.

Известный кыргызстанский исследователь творчества Пушкина Л.А. Шейман, рассуждая о круге “восточного” чтения Пушкина, называет журнал “Сибирский вестник”, и этот журнал поэт просит своего брата Л.С. Пушкина прислать в Михайловское. Журнал, в котором освещались быт и нравы восточных народов России издавался в 1818–1824 гг. талантливым историком и этнографом Г.И. Спаским. Подчеркивает Л.А. Шейман и тот факт, что в журнале преобладала казахская тематика. Он ссылается на исследователя С.Л. Мухину, которая утверждала, что “киргиз-кайсацкая проблема занимала умы в 20–30-х гг. XIX в. чуть ли не в той же степени, что и события на Кавказе” [5, с. 13].

Достаточно близкие отношения объединяли Пушкина с о. Иакинфом, с которым он даже собирался в путешествие по Китаю. Исследователь русско-киргизских отношений Воропаева В.А. называет свидетельства того, что Пушкин был осведомлен о таком народе, как кыргызы [6, с. 26–27]. Вслед за известным пушкинистом Л.А. Шейманом, она восстанавливает историческую канву отношений Пушкина к той части Востока, где обитали кыргызы. Как и Шейман, Воропаева утверждает, что поэт знал и отличал кыргызов среди множества восточных, так называемых “околороссийских” народов. В круг чтения А.С. Пушкина входили многие труды Н.Я. Бичурина: “Описание Тибета” (с дарственной надписью автора), “Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана”, “Описание Пекина”, “История Тибета и Хухунора” и др. “Несколько замечательных очерков Бичурина увидели свет в “Северных цветах”, благодаря усилиям поэта”, – утверждает В.А. Воропаева [6, с. 27]. Сведения о восточных народах: калмыках, монголах, китайцах и *бурутах* (так называли только киргизов), – Пушкин почерпнул из трудов Н.Я. Бичурина. Воропаева В.А. также утверждает: “Сегодня уже выяснено, что само написание имени народа – “кэргызец” максимально близко к подлинному самоназванию киргизов – “кыргыз” [6, с. 27].”

Кроме названных уже “Вестника Европы” и “Северных цветов”, большую пропаганду Востока в 20-е гг. XIX в. проводили журналы: “Московский телеграф”, “Сын Отечества”, “Дамский журнал”, “Благонамеренный” и др.

Чтобы составить представление о том, что же предлагали русские журналы своему читателю,

назовем “Нравоучительные изречения и анекдоты Джами” в переводе И. Салтыкова (“Вестник Европы”, 1825 г.). “Один из самых обильных и остроумных писателей Персии, особенно богатый мыслями, Абдарраман, по прозвищу Джами, достойнейший ревнитель знаменитого своего учителя, Саади, <...> многие его стихи, заключающие в себе нравоучительные мысли, анекдоты и басни, сделались пословицами” [7, с. 61–62].

“Три предмета ненавистны в трех особах: жестокость во властелине, сребролюбие в ученом человеке и скупость в богатом” – Пушкина привлекала восточная мудрость, где в краткой и лаконичной форме выражались глубокие мысли. Сам поэт в альманахе “Северные цветы” за 1827 год опубликовал свои “Отрывки из писем, мысли и замечания”, не лишенные также восточного колорита: “Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполнить духа Магометова” [4, с. 38]; “В некотором азиатском народе мужчины каждый день, восстав ото сна, благодарят бога, создавшего их не женщинами. Магомет оспаривает у дам существование души” [4, с. 39].

Очень интересной представляется мысль Пушкина относительно мудрых изречений, которыми изобиловали современные журналы. По поводу интереса читателей вообще к мудрым мыслям Пушкин заметил: “Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, – наше самолюбие: мы рады, ежели сходимся с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками – даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вообще ничтожных, если бы они оставляли нам свои признания” [4, с. 47].

Следует также иметь в виду, что знания Пушкина о Востоке в 20-х гг. складывались не только из сведений, почерпнутых из журналов (к которым Пушкин относился по-разному), но и из собственного опыта пребывания в Крыму и на Кавказе.

История изучения социальных обстоятельств жизни восточных народов поставила Пушкина перед необходимостью более глубокого и всестороннего изображения характера инонационального героя. Попытка проникнуть во внутренний мир человека иной культуры через житейские проблемы отличает прозу Пушкина. В “Путешествии в Арзрум” он передает собственные ощущения от “восточной” пищи, особенно чурека, который никогда не заменит русскому человеку кусок черного хлеба. А еще раньше он с сочувствием отмечает, как страдали пленные турки от отсутствия привычного

для них чурека и необходимости питаться черным хлебом. Пушкин проводит еще одну параллель – ощущение русских солдат, преследовавших Наполеона, лишенных возможности питаться черным хлебом. Пушкин с чувством сострадания и понимания относится к нравам, вкусам и привычкам не только русского, но и восточных народов, уважая их право на собственные вкусы и привычки.

Наполнены новым содержанием и черты “восточного владыки” Гаки-паши, взятого в плен. Он показан не в ореоле романтического величия, а как обычный человек, примирившийся со своей участью, усталый, но исполненный чувства собственного достоинства. “Он сидел, поджав под себя ноги и куря трубку. Он казался лет сорока. Важность и глубокое спокойствие изображалось на прекрасном лице его. Отдавшись в плен, он просил, чтоб ему дали чашку кофию, и чтоб его избавили от вопросов”.

Когда в 1836 году Пушкин издает свой журнал “Современник”, то в двух первых номерах журнала, вышедших при жизни поэта, восточная тема также находит свое выражение. Кроме стихотворений на темы Востока Л. Якубовича, он печатает повесть Султан Казы-Гирея “Долина Ажитугай” (№ 1) и “Персидский анекдот” (№ 2). По поводу публикации Султан-Казы Гирея Пушкин пишет: “Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой думой смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения” [8, с. 28].

Как видим, уже в журналистике пушкинской поры довольно обширные сведения о Востоке носят разную направленность: это и художественные произведения о Востоке русских, европейских и восточных авторов, это и мудрые мысли как народных, так и принадлежащие великим мыслителям Востока. Важное место занимают переводы, дающие представление о малознакомом ранее Востоке. В частности, хотелось бы отметить научный интерес к тому краю восточных пределов, где жили киргизы. В пушкинскую пору просыпается не только научный, но и художественный интерес к киргизам. Этот интерес находит выражение не только в ученых книгах о Иакинфе (Н.Я. Бичурина), но и в художественной литературе [9, с. 3–7].

Литература

1. Сомов О.М. О романтической поэзии // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. М., 1974. Т.2.
2. Брудный А. Слово о подвижниках // В.А. Воропаева. А.С. Пушкин и подвижники культуры в периодике. Бишкек: КРСУ, 2009.
3. Данильченко Г.Д. “Ал-Мамун” Н. Гоголя в контексте русской ориентальной литературы XIX века // Вестник КРСУ. 2010. Т.10. № 3.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. VII. Л.: Наука, 1978.
5. Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. Очерки. Бишкек, 2004.
6. Воропаева В.А. Образ времени и пространства // Воропаева В.А. А.С. Пушкин и подвижники культуры в периодике. Бишкек: КРСУ, 2009.
7. Вестник Европы. 1825. Ч. 144. № 21.
8. Современник. 1836. № 1.
9. Данильченко Г.Д. Историко-культурные отношения России и Востока в русской ориентальной литературе // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 5.